

Ксения Фишт

Адыгея.
Осеннее эхо

Ксения Фишт

Адыгея. Осеннее эхо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72617860

ISBN 9785006799844

Аннотация

«Адыгея. Осеннее эхо» – это сборник рассказов, в которых каждый текст – отражение того, как осень звучит в горах: в запахе дыма и влажной листвы, шуме рек и тишине дольменов. Герои книги – пчеловоды и пастухи, школьные учителя и путешественники, охотники и дети – они ищут опору и находят её в земле, чья красота и мудрость не подвластны времени. Эта книга – приглашение услышать эхо осени и почувствовать, что любовь к земле может быть такой же прочной, как горы, и такой же живой, как ветер.

Содержание

Последний мёд	5
Тропа Хаджоха	12
Ущелье испов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Адыгея. Осеннее эхо

Ксения Фишт

© Ксения Фишт, 2025

ISBN 978-5-0067-9984-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний мёд

Золотой октябрь в предгорьях Адыгеи – время тихого увядания и подведения итогов. Склоны горы Физиабго, еще

недавно тонувшие в сочной зелени, теперь пылали оранжевым пожаром кизила, багрянцем дикой виноградной лозы и нежным золотом буков. Воздух, прозрачный и охлаждающий по утрам, к полудню наполнялся терпким ароматом прелой листвы, древесной коры и далекого дымка – где-то жгли сухую траву на покосных лугах. Именно в это время Даурген начинал свою самую важную, неторопливую работу – он укладывал пчёл на зимовку

Ещё вчера по радио, сквозь шипение и треск, передавали скорое похолодание, ночные заморозки. Для неподготовленных ульев это могло стать гибелью. Работать нужно было быстро, но Даурген никогда не торопился. Он знал: спешка – враг и пчелы, и человека.

Его пасека из сорока ульев стояла на яру, с которого открывался вид на бескрайний океан лесов, упирающихся в зубчатый гребень Кавказского хребта. Даургену было под семьдесят, и годы согнули его некогда мощную спину, но руки, испещренные сетью шрамов от жал, по-прежнему были тверды и уверенны в движениях. Он часто разговаривал с пчёлами не вслух, а мысленно, понимая их гул как речь старого друга. Его отец, научивший его этому ремеслу, говорил, что пчела не терпит суеты. Она живет в ритме солнца и цветка. И Даурген, тогда еще мальчишка, запомнил не слова, а тепло отцовской руки на своем плече у дымаря и тихий, уверенный гул семьи, которому вторил низкий, спокойный голос отца: «Слушай, сынок. Это – жизнь». Теперь он был,

пожалуй, последним, кто слышал эту жизнь так, как слышали ее его предки. Сын уехал в город, где пахнет бензином и бетоном, а не воском и мёдом, а дочь звонила раз в месяц, с тревогой в голосе спрашивая, не пора ли бросить это тяжёлое хозяйство.

В тот день он замер у одного улья – не нового, крашенного, а старого, почерневшего от времени дупляка, сколоченного еще его отцом. Он положил ладонь на шершавое дерево, чувствуя под кожей вековую память породы и слыша внутри себя эхо отцовского смеха. Этот улей был для Даургена мостом через пропасть времени. Пчёлы из этого улья вели себя странно. Вместо того, чтобы лениво кружить у летка, готовясь к зимнему сну, они вылетали дружно и целенаправленно, с тем особым гулом, который бывает только при обильном медосборе.

«Куда вы, глупые? – прошептал Даурген, щурясь на низкое осеннее солнце. – Всё уже отцвело. Последняя липа сбросила цвет, иван-чай обронил свой пух. Одумайтесь».

Он с тревогой посмотрел на небо, подёрнутое молочной дымкой – верный признак грядущего холода. Всё надо было утеплить до ночи. Но как оставить этих упрямыц?

Пчёлы не слушались. Тонкая золотая струйка тянулась от летка в сторону глухого ущелья, заросшего буком и грабом. И Даурген, отложив в сторону дымарь, решил последовать за ними. Взяв свой посох из кизилового дерева, он зашагал по едва заметной звериной тропе. Внутри боролись

два чувства: практическая тревога хозяина, обязанного спасти свое хозяйство от заморозков, и глубокая, инстинктивная вера пчеловода в мудрость пчёл.

Лес встретил его торжественной, почти церковной тишиной, нарушаемой лишь хрустом подошв по мёрзлой корочке утреннего инея и далёким перекликом птиц. Солнечные лучи пробивались сквозь оголённые кроны, ложась на землю длинными холодными пятнами. Воздух был густым, пах грибами, влажной глиной и горьковатой медью увядающего папоротника. Гигантские буки возвышались, как молчаливые стражи, их гладкая серая кора местами была покрыта изумрудным мхом. Где-то внизу, в каменной теснине, с глухим рокотом несла свои уже не такие бурные воды река Белая. Даурген шёл, и ему казалось, что он шагает сквозь самое сердце осени, сквозь ее прохладную, печальную и прекрасную душу.

Пчёлы не обманули его. Пройдя с полкилометра, он почувствовал слабый, но упрямый цветочный аромат, несвойственный этому времени года. Тропа вывела его к небольшому скальному разлому. Камни, нагретые за день, отдавали накопленное тепло, создавая здесь свой, особый микроклимат.

И там, в этой каменной колыбели, он увидел чудо. Небольшая поляна, размером с комнату, была устлана ковром из цветущего клевера. Его сиреневые и розовые головки, маленькие и нежные, пылали на фоне рыжей осенней тра-

вы, словно последние угольки в потухающем камине. Камни держали тепло – и поэтому тут задержался клевер – редкое, почти магическое явление. Воздух над этим клочком лета гудел и вибрировал от работы трудолюбивых тел. Пчёлы сновали туда-сюда, игнорируя приближение зимы, занятые своим последним, самым важным делом года. Смешанный запах цветочного нектара, нагретого камня и горьковатой осенней грусти был опьяняющим.

Даурген присел на корточки на краю поляны, опершись на посох. Он не сорвал ни одного цветка. Он просто смотрел, и на его лице, похожем на высохшую горную породу, появилась улыбка – тихая, ясная, исполненная безмолвного понимания. Он понял, что пчёлы ведут свою вечную работу, не зная о его человеческих тревогах. Они просто делали то, для чего были рождены, до самого конца. И в этом был высший смысл и суровая правда.

Он просидел так, может, минут десять, а может, два часа, забыв о времени, наблюдая за этим маленьким праздником жизни, упрямо вспыхнувшим посреди всеобщего угасания.

Вернувшись, он аккуратно, стараясь не потревожить пчёл, взял из дупляка всего несколько рамок. Он работал теперь с вдвое большей энергией, но без суеты – словно получил от пчёл и цветущего клевера незримое благословение и уверенность. Медогонка заворчала старческим голосом, и по дому разлился густой, несравнимый ни с чем аромат. Мёд получился темно-янтарным, почти коричневым, с крас-

новатым отливом. Он был невероятно душистым, с глубоким, сложным вкусом, в котором угадывались и сладость, и лёгкая, приятная горчинка, как послевкусие от хорошего чая.

Вечером Даурген растопил печь, заварил в большом медном чайнике чай из горных трав – чабреца и душицы. Он налил заварку в пиалу, положил туда ложечку этого особенного мёда и вышел на крыльцо. Ульи были утеплены, пчёлы спасены от внезапного холода. Его род, пусть и прервавшись в пчеловодах, продолжился в этих сорока домиках-семьях, готовых к зиме.

Сумерки ложились на долину сизым шёлком. Последняя алая полоса догорала на заснеженных пиках далёких гор. Где-то в лесу прокричала сова. Даурген сделал медленный глоток. Тёплый чай с мёдом разлился по телу живительным теплом. Вкус был поразительным – в нем было всё: и жар ушедшего лета, и прохлада осеннего утра, и терпкость горных трав, и сладость последнего цветка. И в этой сложной гамме был и весь его жизненный путь – с его трудностями и радостями, потерями и найденными чудесами.

Он сидел, смотрел на проступающие одна за другой звёзды и чувствовал не гордость добытчика, а безмерную, тихую благодарность. Благодарность горам, пчёлам и этому упрямому клеверу, что подарил ему этот миг. Он понимал, что природа не сдаётся. Она не умирает, а лишь затаивает дыхание, чтобы набраться сил для нового витка. И её щедрость

не знает границ – нужно только быть внимательным и вовремя заметить золотую пчелиную тропу, ведущую к чуду.

Он знал, что был последним пасечником здесь. Но пока жив лес, пока находятся цветы, готовые цвести наперекор календарю, а пчёлы – находить их, его дело не умрет. Оно просто станет частью вечного круговорота, в котором у каждого свое назначение. Его назначением было хранить эту мудрость до последнего вздоха.

В сердце старика, таком же исхоженном, как горные тропы, не было печали. Было лишь спокойное, глубокое, как горное озеро, счастье. Счастье от осознания, что он – часть этого вечного, мудрого круговорота. И пока в его чае тает последний мёд уходящего года, он знает – весна обязательно придёт.

Тропа Хаджоха

Междугородний автобус пахнет чужими жизнями – горячим пыльным воздухом, топливом и сладковатым ароматом

каких-то конфет. Анна приехала сюда не как туристка. В её ручной клади, в простой шкатулке из ольхи, лежал прах отца. Его последняя воля была простой и категоричной: «Верни меня в горы. Туда, где река поет басом, а скалы помнят великанов».

Она боялась этого момента. Боялась, что не почувствует связи, что этот жест будет пустым и для нее, и для его памяти. И больше всего боялась того, что будет после. Ведь развеять прах – значит окончательно признать, что его больше нет. А она и так винила себя за каждый непроведённый вместе праздник, за каждый звонок, который откладывала на потом.

Она взяла машину напрокат и поехала на юго-восток. Равнинный пейзаж за окном постепенно сминался в складки предгорий, а затем вздымался в могучие зелёные волны, уже тронутые осенним огнём. Ярко-жёлтые клены, багряные заросли кизила, тёмная зелень пихт. Адыгея встречала ее как незнакомку – ярко, броско, но без тепла.

Посёлок Каменномоетский встретил ее привычной суетой, запахом шашлыка и лепёшек. Но Анна свернула с главной дороги и оставила машину на пустынной окраинной улочке. Она не пошла к официальному входу в теснину. Отец, презиравший «культурные» тропы, показал ей когда-то другой путь – старую обходную тропу, начинавшуюся чуть поодаль, за мостом. Это место он показывал ей в детстве, лет пятнадцать назад, и оно врезалось в память навсе-

гда.

Помнится, они шли тут после того, как навестили его па-секу на окраине посёлка. Он был в своем растерзанном рабо-чем халате и нёс в руках небольшую баночку свежего мёда, еще тёплого от солнца. «Вот, дочка, самый правильный мёд – тот, что с горным воздухом пропах», – смеялся он, и его гла-за, обычно серьёзные, светились мальчишеским озорством.

Воздух мгновенно изменился. Он стал влажным, густым и прохладным, пахнувшим мхом, вековой сыростью и на-растающим гулом воды. Тропа, круто уходящая вниз, была скользкой от влаги и опавших листьев. И вот, меж деревьев, открылся вид на то, ради чего она шла. Река Белая яростно кипела в узком каменном горле Хаджохской теснины, с рё-вом разбиваясь о чёрные, отполированные до зеркального блеска валуны. Гул стоял оглушительный, физически ощу-тимый грудью. Анна стояла, глядя в эту кипящую бездну, и ей казалось, что она слышит не просто воду, а голос самой земли – низкий, подавляющий, вечный. Этот гул заглушал все мысли, оставляя лишь сжимающую сердце тяжесть.

«Он видел это тысячу раз, – подумала она. – И будет ви-деть еще тысячу, когда и меня не станет. Камням нет дела до наших жизней».

Она отошла от обрыва оглушенной, с мокрым от брызг лицом. Следуя старой памяти, она нашла едва заметную тро-пинку и пошла вверх по течению, туда, где не было туристов.

Здесь осень была иной. Не буйной и праздничной, а тихой,

задумчивой и печальной. Солнце пробивалось сквозь высокий полог золотых буков и грабов длинными, косыми лучами, не грея, а лишь подсвечивая увядание. Листья падали бесшумно, кружась в медленном танце. Воздух пах прелыми грибами, влажной корой и диким укропом. Где-то высоко на скалах кричали птицы, и их крики лишь подчёркивали глубину тишины. Анна шла, и каждая скала, каждый поворот реки будили в ней смутные, как старая фотография, воспоминания. Вот он, смеясь, показывал ей на скалу, похожую на профиль спящего воина. Вот они пили воду из ледяного ручья, и он говорил: «Пей, это слёзы гор, они дают силу».

Внезапно из кустов орешника прямо перед ней выпорхнула небольшая птичка с яркой рыжей грудкой – горихвостка. Она села на ветку прямо напротив Анны, посмотрела на неё чёрным глазом-бусинкой, пропела короткую, звонкую трель и исчезла в листе. Сердце Анны сжалось от неожиданной нежности. Это было словно знак, короткое приветствие из того самого, невозвратного прошлого.

Она шла все дальше, оставляя позади шумные тропы. Ей нужно было уединение. И она нашла его у небольшого ручья, впадавшего в Белую. Здесь, под сенью огромного векового дуба, стоял дольмен. Не большой и известный всем в округе, а маленький, почти заросший мхом, вдавленный в землю, как усталый великан, прилёгший отдохнуть.

Анна присела на корточки перед грубо вытесанным отверстием-лазом. Тишина здесь была абсолютной, лишь лёгкий

шелест листьев и отдалённый рокот реки нарушал ее. Она достала шкатулку. Руки дрожали.

«Знаешь, папа, – тихо начала она, – я всё ждала, что почувствую облегчение. Что выполню долг и смогу, наконец, уехать и забыть. Забыть эту тоску по дому, которого у меня во взрослой жизни не было. Ты всю жизнь тосковал по этим горам, а я... я тосковала по тебе, который тосковал по ним. Это такая бесконечная цепочка боли».

Она открыла шкатулку. Серый пепел был безразличен и безмолвен.

«Ты говорил, что здесь живут духи предков, что камни помнят. Что они дают мудрость. Дай же и мне сейчас хоть крупицу ее. Я не знаю, что делать с этой болью. Я не знаю, как нести это наследие. Ты оставил мне в наследство не дом и не деньги, а любовь к этому месту. Но как любить то, что напоминает мне только о твоём отсутствии?»

Она позволила ветру подхватить прах и унести его к ручью, к корням дуба, к древним камням дольмена. Ритуал занял несколько мгновений. Стало пусто. И тихо. Анна вытащила из кармана маленький медальон на длинной цепочке, который подарил ей отец. Он говорил, что медальон этот древний, как сама земля, на которой жили его предки. Ей хотелось оставить здесь вещь, которая бы связывала их обоих даже через миры. На медальоне была гравировка цветка лаванды. Отец говорил, что веточка лаванды приносит в жизнь любовь. Анна положила медальон у круглого отверстия, ве-

дущего в дольмен.

Потом она сделала то, что делал всегда отец, возвращаясь с пасеки. Она зачерпнула ладонью воду из ручья, до боли ледяную и чистую, и отпила несколько глотков. Это был ритуал. Жест единения с этим местом, принятия его правил. Вкус был тот же – вкус слёз гор, дающих силу.

Анна сидела на холодной земле, ожидая... чего? Просветления? Внезапного умиротворения? Но ничего не произошло. Только тихий осенний лес, только шепот воды, только древний камень.

И вдруг она поняла. Это и есть ответ. Горы не говорят на языке человеческих драм. Они не снимают боль волшебным жестом. Они просто есть. Они были здесь до неё, будут после. Они принимают всё: и её слезы, и прах её отца, и её смятение – с абсолютным, безмолвным спокойствием. Их мудрость не в том, чтобы дать ответ, а в том, чтобы показать, насколько ничтожны наши печали перед лицом их вечности.

Она не почувствовала облегчения. Но она почувствовала покой. Тяжёлая, колкая ноша скорби не исчезла, но она как будто опустилась на дно её души, перестала царапаться и требовать внимания. Она стала просто частью ландшафта её памяти, такой же, как эти горы – неизменной и молчаливой.

На обратном пути она снова вышла к тому месту, откуда открывался вид на теснину. Всё тот же грохот, все та же мощь. Но теперь он звучал для неё иначе. Это был не голос

потери, а голос силы. Голос чего-то большего, что продолжается, несмотря ни на что.

Садясь в машину, Анна посмотрела в зеркало заднего вида на уходящую в облака дорогу, на зубчатые скалы. Она не оставляла здесь свою грусть. Она, наконец, забирала с собой любовь отца к этим местам. Не как боль, а как тихую, прохладную уверенность. Уверенность в том, что теперь у неё есть место, куда можно вернуться. Не к могиле, а к памяти. Не к смерти, а к вечности.

И теперь её глаза наполнились слезами, но не тоски, а тихой, светлой грусти, в которой уже прорастали семена надежды.

Ущелье испов

Лев приехал в Адыгею за осенью. Не той, что в городе – блёклой, пыльной, – а настоящей, горной, огненной. Он при-

ехал, чтобы сбежать от офисных стен, от выгорания, от ощущения, что жизнь проходит мимо. Его проект «Лики осени» был последней попыткой доказать себе, что он ещё чего-то стоит как фотограф и как человек. Он был уверен, что золото букового леса близ Хаджоха станет его главной удачей.

Воздух здесь действительно пах иначе: сладковатой грустью увядания, грибами и вековой тайной. Гладкие стволы буков, похожие на застывших великанов, уходили ввысь, поддерживая золотой купол из листьев. Лев замедлил шаг. Он вдруг понял, что всегда куда-то бежал. Он заставил себя остановиться. Дышать. Смотреть. Он щёлкал камерой медленно, почти медитативно, ловя не просто свет, а его игру: как луч высвечивает кружевные листья папоротника-орляка, как подсвечивает изнутри багряные гроздья калины, как дробится в каплях росы на паутине между ветвей кизила. В просветах между деревьями мелькали знакомые по определителям растения: ярко-оранжевые шапочки гриба-лисички, скромные синие цветки цикламена, уже отцветающие кисти дикого падуба.

Вспомнилась легенда, которую ему рассказывали вечером в местной чайной. Пожилой адыг с седыми усами и спокойным, мудрым взглядом, представившийся Муратом, налил ему чаю из местных трав – чабреца и мяты – и неторопливо, с большим уважением в голосе, рассказал о том, что эти леса – не просто деревья. Что когда-то здесь жили испы – великаны из нартского эпоса. И были у них младшие братья –

маленькие, но невероятно мудрые карлики, которые умели говорить с камнями и знали секреты земли. Боялись карлики диких зверей и непогоды, и тогда великаны построили для них каменные дома, дольмены. Складывали из тяжелых плит стены и крышу, оставляя лишь маленькое круглое отверстие-лаз, чтобы только карлик мог протиснуться внутрь. Говорили даже, что сами карлики могли силой взгляда заставляя камни парить в воздухе и укладываться сами собой.

«Земля здесь помнит всех, – сказал тогда старик, глядя на Льва пристально. – Она не любит суеты и пустого любопытства. К ней нужно приходиться с чистыми помыслами».

Лев тогда вежливо кивнул, но внутренне отмахнулся от этих слов, списав их на местный колорит для туристов. Он пришел, чтобы получить красивые кадры, а не послушать сказки.

Лев улыбнулся тогда этой истории. Но сейчас, в глубине молчаливого леса, она уже не казалась такой уж сказочной.

Небо на западе стало свинцовым. Влажный ветер резко усилился, зашелестел в кронах с тревожной настойчивостью. Где-то очень высоко, над самым ущельем, пронёсся пронзительный, одинокий крик ястреба-тетеревятника. Лев на мгновение замер, почувствовав необъяснимый холодок под кожей. Крик был полным не тоски, а предупреждения.

Туман налетел внезапно. Белёная стена, молниеносно поглотившая лес, растворившая даль и цвета. Свет стал призрачным, бестелесным. Ориентиры исчезли. Лев попытался

вернуться, но тропинка бесследно растаяла в плотной дымке. Сердце забилося чаще. Он заблудился.

И тогда он услышал шёпот.

Вначале он списал это на ветер. Но нет. Это был не скрип веток. Это было похоже на тихое, невнятное бормотание, будто десятки голосов переговариваются за его спиной. Шёпот казался многоголосым: в нём слышались и слова давно забытых наречий, и тихий смех детей, и напевы старых песен, и скрип тележных колёс – вся память этой земли, все ее ушедшие жители. Шёпот, идущий со всех сторон. Он оборачивался – лишь гладкие стволы буков, выступающие из тумана, как призраки испов. Он замирал, стараясь не дышать, и шёпот стихал, чтобы через мгновение начаться вновь. Вспомнилась другая легенда: о том, что дольмены – это не дома для карликов, а «дома души». Что души предков местных народов не умирают, а продолжают жить в этих каменных склепах, охраняя род. А круглое отверстие – это не вход, а «отверстие для души», через которое дух может выходить наружу и возвращаться обратно. Через него же живые приносили дары: еду и питьё, чтобы задобрить души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.